

~~СМЕНИЛА~~ ~~ИМЯ~~

Саша Сандра

ради
счастливой
ЖИЗНИ

АЛЕСЯ

АЛЕСЯ

Часть 1

18+

Саша Сандра Сменила имя ради счастливой жизни

<https://litres.ru/74650417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня назвали именем, которое мне не принадлежало. Я носила его двадцать лет - как чужое пальто, как бирку на шее. В семь лет я не могла объяснить, что чувствую. В шестнадцать - шептала новое имя в подушку. В двадцать - пришла в загс и сменила его.

Это история о том, как трудно быть собой, когда тебя зовут не тобой. И о том, что счастье начинается с права называться своим именем.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	18
Глава 6.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Саша Сандра Сменила имя ради счастливой жизни

Глава 1.

Я родилась в 80-х годах. В то время, как мне рассказывали родители было очень тяжело жить. Но всё же мои родители после свадьбы съездили в свадебное путешествие в Беларусь. Собственно с Беларуси и началась моя история. Гуляя по Минску Татьяна (так зовут мою маму) увидела фабрику по производству верхнего трикотажа под названием “Алеся”.

- Николай (так зовут моего папу), а давай если у нас родится дочь, назовем ее этим именем - сказала Татьяна

- Да хорошо, давай, мне тоже понравилось это имя, но разрешат ли нам это имя вписать в свидетельство о рождении в России, - ответил Николай.

- Хорошо, но мы все равно попробуем, - ответила Татьяна. Спустя два года после их свадьба родилась я. И тут начинается самое интересное, а точнее проблемы с этим именем.

В 1987 году имя Алеся (через «А») было очень редким, и это было связано с его происхождением и тогдашними пра-

вилами регистрации. Так как это белорусская форма: имена Олеся и Алеся - это по сути две формы одного имени, но с разным национальным оттенком. Форма Алеся традиционно считается украинской и белорусской, а Олеся - русской. В СССР строго следили за написанием редких имен. В те годы сотрудники ЗАГСов руководствовались официальными справочниками имен, где форма «Алеся» могла просто отсутствовать. В Справочнике личных имен народов РСФСР 1987 года было 201 женское имя, но «Алеся» среди них, не значилась .

Когда мой отец пришел в ЗАГС для получения свидетельства о рождении, ему сказали, что имя очень редкое.

Сотрудница ЗАГСа, женщина лет пятидесяти с высокой укладкой и очками на цепочке, взяла заявление, пробежала глазами строчки и нахмурилась. Её палец, указательный, с идеально ровным ногтем, ткнулся в графу «Имя».

- Так, - сказала она голосом, не терпящим возражений. - Вы пишете «Алеся». Но это же неправильно. Имя - «Олеся». Через «О».

Николай почувствовал как внутри всё сжалось. Просто они с женой уже прошли через войну с этой системой, когда выбирали имя.

- Нет, - тихо, но твердо сказала он.

- Имя Алеся. Через «А».

- Мужчина, - вздохнула сотрудница, поправляя очки, - у нас есть алфавитный указатель имён, утверждённый Мини-

стерством юстиции БССР. Там нет «Алеси». Есть «Олеся». Так что я не могу вас зарегистрировать. Придётся переписать заявление.

Она уже потянула руку к чистому бланку, когда Николай положил поверх стопку бумаг - справку из роддома, свой паспорт и маленькую, вырванную из тетрадки страницу.

- Вот, - сказала Николай, и голос его дрогнул, но не сломался. - Это копия страницы из «Словаря белорусских личных имён». Издание 1983 года. Там написано: “Алеся”, значит такое имя существует.

Сотрудница взяла бумажку, поднесла к глазам, пододвинула к себе настольную лампу. Жёлтый свет упал на неровные строки, перепечатанные на машинке. Николай глубоко вздохнул и выдохнул. Это была их маленькая победа. За две недели до этого он с Татьяной обошли три библиотеки, пока не нашли этот чёртов словарь.

Женщина за бюро задумчиво побарабанила пальцем по столу. Тишина длилась целую вечность.

-
Хорошо, - наконец сказала она, и в её голосе проскользнула усталость, почти удивление. - Раз есть официальный источник, мы можем зарегистрировать. Но запомните, Алеся... - она специально сделала ударение на «А», будто пробовала имя на вкус, - в сводки областного ЗАГСа я напишу примечание. Нестандартное имя. Мало ли, проблемы будут.

Глаза Николая блестели - то ли от смеха, то ли от гордости.

Сотрудница взяла печать, сухо щелкнула механизмом, и штампель с гербом тяжело лёг на бумагу. В тот момент, когда чернила впитались в свидетельство о рождении, она подняла глаза на Николая и вдруг, совсем неожиданно, улыбнулась. Не казённо, а по-человечески.

- Красивое имя, - сказала она, понизив голос. - Мне оно всегда нравилось. Только боялась, что начальство не поймёт.

Она протянула свидетельство. На серой бумаге в графе «Имя» было выведено чернилами, аккуратным почерком: Алеся.

Глава 2.

Я росла..... Я росла прекрасным милым ребенком. Я пошла в детский сад, но как пошла... за все время пару раз. Я ужасно не любила детский сад. Мои родители всегда были на работе , поэтому я большую часть времени я проводила со своей бабушкой Раисой (мамой моей мамы). Как только бабушка проводила меня к детскому саду, я начала биться в истерику , кричала:

- Бабушка бабушка , я не хочу туда идти, мне там не нравится , пошли домой.

И конечно бабушка вела меня, домой обратно.

Мое детство было беззаботным (ну это я так думала, до того момента, пока не появился на свет мой брат, которого я всеми своими фибрами души не любила).

Мне было шесть. Мир тогда делился на «до» и «после», но я еще не знала, что это «после» начнется именно сегодня.

Дверь хлопнула. В коридоре запахло морозом и папиным табаком. Я сидела на полу в бабушкиной гостиной, раскрашивая принцессу в розовом платье, и ждала. Ждала, что сейчас он войдет и скажет, что мама вернется с чем-то красивым, с бантами, с чем-то, что будет моим.

Папа вошел. Он улыбался так широко, что мне стало не по себе. Бабушка всплеснула руками, заохала.

-

Ну что, Алесь , - папа присел на корточки, его глаза блестяли. - У тебя родился братик!

Слово ударило в живот. Братик.

Не сестричка. Не та, с которой я буду играть в куклы и заплетать косички. А брат. Мальчик. Чужой.

Горячая волна поднялась откуда-то из пяток и ударила в голову. Я не помню, как вскочила. Помню только, как мир расплылся в мутное пятно. Я бросилась прочь из комнаты, чувствуя, как в груди разрастается что-то колющее, обидное, несправедливое.

На кухне было темно и пахло остывшим чаем. Я нырнула под стол, в самый угол, где пыльно и тесно. Обхватила колени руками и зажмурилась.

-

Заберите его! - заорала я, чувствуя, как слезы душат горло. - Заберите его! Я не хочу братика! Я хотела сестричку!

Голос сорвался на визг. Я слышала, как в коридоре топочут шаги, как бабушка зовет меня, но я не выходила. Я сидела под столом, в темноте, и мир, который только что был таким правильным, рушился. Потому что где-то там, в роддоме, мама держала на руках его. А меня — меня предали.

Он...громко кричащий ребёнок, который вошел в нашу жизнь, а ведь я просила у родителей сестричку. Конечно же родители меня заставляли помогать с братом: я сидела возле него, когда он играл, я гладила его пелёнки, я гуляла с ним,

хотя хотела гулять с подружками, ведь я же еще ребёнок.

Глава 3.

Мне семь. Первый класс. Тридцать первое августа, вечер, я сижу на полу в коридоре и раскладываю школьные принадлежности: тетради в косую линейку, ручки, цветные карандаши, пенал - пластмассовый, с зайцем. Пахнет новым, клеем и типографской краской. Завтра - линейка, банты, гладиолусы.

Мама достает из шкафа белый фартук и коричневое платье. Гладит. Утюг шипит, отпаривает складки, и по квартире плывет запах горячей ткани.

А потом она достает из серванта бирку. Обычную такую, из кожзама или плотного картона, с веревочкой. И начинает подписывать.

-

Чтобы не потеряла, - говорит она, выводя на бирке печатными буквами мое имя.

Я смотрю, как шариковая ручка оставляет синий след. Буквы ровные, красивые. Мама старается. Она уверена, что делает доброе дело.

Я беру бирку в руки. Читаю. И внутри что-то обрывается. Как будто это не бирка для школьной формы. Как будто это бирка на меня. На мою шею. На всю жизнь.

-

Мам, - говорю я тихо.

-

Что? - она даже не поворачивается, ищет нитки.

-

А можно... другое имя?

Она замирает. Катушка ниток падает и катится по линолеуму.

-

Какое другое? - переспрашивает она, оборачиваясь. На лице - не злость. Растерянность. Как будто я сказала что-то на иностранном языке.

Яжимаю плечами. Я еще не знаю, какое. Я просто знаю, что это - не мое. Но у меня нет слов, чтобы это объяснить. В семь лет у тебя нет слова «идентичность». Есть только чувство: неправильно. Как будто надел чужие ботинки, а они жмут, и ты не можешь сказать «мама, они не мои», потому что взрослые говорят: «Это хорошие ботинки, носи».

-

Глупости какие, - мама качает головой, поднимает катушку. - Хорошее имя. Красивое. Алеся...Алесенька...Лисенок.

Я отдаю бирку. Мама пришивает ее к фартуку. Крепко. Намертво.

Ночью я не сплю. Лежу под одеялом, смотрю на шторы, за которыми мигает уличный фонарь. И шепчу в подушку разные имена. Просто чтобы послушать, как они звучат. Как примеряю шапки в магазине, пока мама не видит.

Ни одно не подходит. Но я точно знаю: то, которое на бирке — тоже не подходит.

Утром мы идем в школу. Я в новой форме, с бантами, с гладиолусами. Первая учительница, Татьяна Николаевна, водит по классу указкой и читает список:

-

Алеся?

Я поднимаю руку. Потому что надо поднять руку. Потому что так положено. И весь урок, и весь день, и всю жизнь потом — я откликаюсь. Как собака на свисток. Тело поворачивается раньше, чем голова успевает подумать: «это же не я». Но я откликаюсь. Потому что иначе нельзя. Потому что семь лет. Потому что бирка пришита намертво.

А вечером, дома, я беру листок бумаги и рисую человечка. Девочку. С другим именем. Я еще не знаю каким. Но знаю, что однажды я ее найду. И бирку отпорю. Только пока - ножниц не достать. Мама убрала их в верхний ящик. Чтобы я не порезалась.

Время шло, жизнь бежала, я все так и жила с мыслью о том, что меня называли не тем именем. В школьные годы многие не понимали, почему именно Алеся, ведь существует имя Олеся. Так ведь и я этого не понимала и никто мне не мог дать четкого ответа.

Глава 4.

Год 2003-й. Мне шестнадцать. Я сижу на подоконнике в своей комнате, обклеенной постерами с «Диким Ангелом» и Леонардо Ди Каприо, и смотрю на двор. Там, внизу, пацаны гоняют мяч, а из открытого окна соседа на третьем этаже орет «Руки вверх» - «Крошка моя, я по тебе скучаю».

Мама зовет меня обедать.

-

Алеся! Иди есть, борщ остывает!

Я вздрагиваю. Это имя - как мокрое пальто, которое заставили надеть в тепле. Оно жмет. Оно не мое. Оно звучит как приговор, как ярлык на банке с консервами, который приклеили в роддоме и забыли отодрать. Я сползаю с подоконника. Прохожу мимо трюмо. В зеркале - девчонка в растянутой футболке с логотипом «Руки вверх», волосы, собранные в небрежный хвост, на губах - блеск «Буржуа» (розовый, с блестками, пахнет карамелью). Я смотрю на себя и мысленно называю себя другим именем. Тем самым. Новым. Которое я выбрала сама. Оно пока звучит только в моей голове, как пароль, как заклинание. Оно теплое. Оно как джинсы, которые сели идеально.

На кухне пахнет жареным луком и котлетами. Мама в халате с начесом, на столе - клеенка в цветочек, телевизор

«Рубин» показывает «Санта-Барбару» с помехами. Родители еще не знают, что через несколько лет я пойду в ЗАГС и смею это дурацкое имя. Они думают, что это «красивое, редкое». А для меня это - звук льющейся воды в чужой ванной.

-
Ну чего ты стоишь? - мама ставит передо мной тарелку.

-
Алеся, ешь давай.

Я сажусь. Беру ложку. Смотрю в тарелку с борщом, где плавают сметана, и чувствую, как во мне поднимается тихая, упрямая злость. Не на маму. На это имя. На то, что меня им зовут. На то, что я не могу пока сказать: «Не называйте меня так».

Я ем. Молчу. Смотрю в окно, где дворник дядя Толя курит у мусорки. И думаю: «Когда-нибудь. Когда вырасту. Я буду (сама ещё не знаю кем я буду). И никто, слышите, никто больше не назовет меня Алесей». Это имя я оставлю здесь. В этой кухне с клеенкой и «Санта-Барбарой». В этих девяностых, где все было серо-желтым от уличных фонарей и неопределенности. Я доедаю борщ. Говорю «спасибо». И ухожу в свою комнату. Там, в ящике стола, под тетрадями по алгебре, лежит листок, где я уже сотню раз писала свое новое имя разными почерками. Пока - просто как примерка. Как репетиция.

Скоро. Еще чуть-чуть. И я стану собой.

А потом в моей жизни случается любовь...да мне всего 16

и он...тот самый из соседнего двора.. Михаил...он старше меня на 3 года.

Стук в окно. Подхожу.

-

Алесья, выходи, пошли гулять, - говорит Михаил

-

Сейчас, только отпрошусь у мама, - ответила я смущаясь

-

Мама, мама, там Миша меня зовет гулять, можно я пойду,
- спросила я у мама.

-

Да, Алесья, иди, только не до поздна, чтобы в десять вечера была дома, - сказала мама.

Я радостная, что меня отпустили гулять, одеваюсь и бегу на встречу своей любви - ну по крайней мере я так думала в свои 16 лет. Но мое счастье длилось не долго, буквально до того момента, когда об этом узнала моя бабушка, да, та самая, которая водила меня в детский сад. Недолго думая, она говорит:

-

Таня, давай Алесья будет жить со мной, подальше от этого Мишки, а то еще не дай бог натворят дел, - сказала она моей маме.

-

Да, хорошо, я согласна, - ответила моя мама бабушке, -

как раз и мне будет полегче.

Полегче она имела ввиду ей станет, потому что у моего брата выявили какое-то заболевание, и ему необходимо было лечение в другом городе, на что у родителей почти не было денег. Поэтому с 16 лет я оказалась на полном содержании моей бабушки. И сказать честно, я даже была этому немного рада. Бабушка жила в центре поселка в трёхкомнатной квартире, в которой у меня была своя комната, а моя комната в родительской квартире досталась брату. Конечно мне было очень жаль то, что у меня остались там все мои подруги и конечно же мой парень, но у бабушки я завела новых подруг. А мой Михаил конечно же никуда не делся, как хотели мама с бабушкой, он стал приезжать за мной и к бабушке. И мы продолжили встречаться, потому что мы очень друг друга любили (но по крайней мере мне так казалось).

В то время я уже закончила 11 классов, отгуляла выпускной и поступила в институт на химико-технологический факультет, очень конечно я это все не любила, я и учёба не совместимые вещи, но родители все решили за меня и сказали, что мне нужно там учиться.

Мои отношения с Михаилом продолжают развиваться, мы гуляем, он катает меня на своей машине, нам весело, мы влюблены друг в друга. Мне казалось, что эта любовь на века, но увы...для меня все закончилось не так как я мечтала....

Глава 5.

В один из прекрасных вечеров я сидела дома, делала домашку с универа и мою голову посетила ужасная мысль... мысль о том, что у меня задержка уже несколько дней.

Я села на кровати, поджав ноги, и смотрела на календарь. На стене - обычный настенный календарь с котёнком, купленный бабушкой в «Союзпечати». Числа обведены шариковой ручкой: кружочки, галочки, крестики. Я вела его с тринадцати лет. Просто так. Привычка. Я смотрю на эти числа и не понимаю, что вижу. Двадцать третье. Двадцать четвёртое. Двадцать пятое. Дальше - пусто. Я веду пальцем по строчке, как будто ищу что-то, что можно стереть. Не нахожу. Я беру ручку и считаю заново. Первое. Второе. Третье. Дохожу до двадцать восьмого и останавливаюсь. Пальцы холодные. В груди - тихо, как перед грозой. Я встаю. Иду на кухню. Бабушка ушла к соседке. В квартире пусто, только холодильник гудит. Я наливаю воду, пью, ставлю стакан. Смотрю на чайник. На клеёнку. На свои руки.

Потом возвращаюсь в комнату. Сажусь. Открываю тетрадь по алгебре, смотрю на примеры. Цифры плывут. Я закрываю тетрадь. Достаяю из-под матраса книгу - «Азбука для будущих мам», купленную в киоске на вокзале три дня назад. Я тогда сказала себе: «Просто посмотрю». Просто на

всякий случай. На обложке - женщина с округлившимся животом, улыбается. Я смотрю на эту улыбку и чувствую, как внутри что-то сжимается. Кладу книгу обратно. Ложусь. Смотрю в потолок, где трещина в форме реки. Считаю до ста. Потом до тысячи. Не помогает. В голове - обрывки. Когда это произошло. Его руки. Его шёпот. Его машина у подъезда. Я думаю: «Может, показалось». Потом: «Может, само пройдёт». Потом: «Может, это просто нервы». Три «может» подряд, и ни одно не спасает.

В эту ночь я так и не смогла уснуть с этой мыслью. Я лежала и считала минуты до утра и представляла как я уже бегу в аптеку за тестом на беременность. Я всячески пыталась отгонять от себя мысль о том, что это может оказаться правдой. Утром я как ни в чем не бывало, встаю, завтракаю, собираюсь в универ. Меня провожают бабушка. Но вместо универа конечно же я поехала в аптеку. Покупаю тест в аптеке на другом конце города, трясущимися руками, чтобы не увидел никто из знакомых. Еду в универ. Пытаюсь отсидеть четыре пары, очень сложно, мысли путаются, конспект не пишется, в глазах темнеет. Вечер. Еду домой все еще с надеждой, что все это неправда. Бабушки дома не оказалось, она ушла в магазин, это очень хорошо. Я иду в ванну, затаив дыхание, делаю тест. Итог: две полоски.

Мир не рушится. Он замирает. Я сижу на краю ванны, смотрю на кафель, на котором трещина, и не чувствую ничего. Потом - страх. Холодный, липкий. Что же делать дальше?

Как об этом говорить бабушке, родителям, парню?? Как? Ком в горле!!! Мне хотелось кричать на весь мир!!! Но я решаю молчать.

На следующий день я поделилась этой новостью с подругой, мы с ней учились в одной группе универа. Она была в шоке, но совета от нее не последовало, это и понятно, ведь мне всего 16 лет.

Я начала носить широкие свитера, не знаю зачем, но мне так было легче. Мне так казалось, что я закрылась от всех. Оказалось, что от еды - «живот болит». Ездила в универ как ни в чем не бывало, отвечала на парах, улыбалась. А внутри - комок.

Бабушка начинает замечать. Сначала мелочи: «Ты какая-то бледная». Потом - «Ты что, поправилась?». Я все отрицаю. Но бабушка - Шерлок Холмс. Она видит всё: как я избегала разговоров, как прятала глаза, как в моей комнате появляется какая-то новая книга - «Азбука для будущих мам», купленная в тайне и спрятанная под матрасом.

Однажды, когда меня не было дома, бабушка нашла эту книгу. Потом - тест в мусорном ведре, который я не успела вынести. Бабушка всё поняла. Она не кричала. Она молчала. Потом пошла к телефону. Набрала мою маму и дрожащим и взволнованным голосом произнесла:

-

Таня, приезжайте вечером с Колей, у нас серьёзный разговор.

После этого звонка время для меня остановилось. “Что скажут родители?” - думала я каждую секунду, ведь я даже не успела сообщить эту новость Михаилу.

Мама и папа приехали вечером. Папа - с работы, в спецовке, злой. Мама - с сумками, уставшая, но уже она догадывалась о чем будет идти речь. Бабушка сидит на кухне, сложив руки, как судья и произносит:

-
Таня, Коля - Алесья беременна.

Тишина. Взгляд мамы на папу, в глазах шок, неожиданность, испуг.

Потом.....Крик. Настоящий. Мама кричит, что я опозорила семью. Папа молчит, но смотрит так, что лучше бы кричал. Бабушка говорит: «Я знала. Я всё знала».

Я стою у стены, сжавшись. Я пытаюсь объяснить: «Я его люблю». Мне отвечают: «Какая любовь в шестнадцать? Ты о чём думала?»

Потом мама решает позвонить моему парню. Его родители. Его мать кричит в трубку. Он приезжает - бледный, растерянный. Разговор на кухне: «Что делать?» Его мать говорит: «Это ваши проблемы». Его отец молчит. Он сам - смотрит на меня и не знает, что сказать.

Через несколько дней я получаю от него сообщение: “Прости, но мы не можем быть вместе, я с тобой расстаюсь”

Земля ушла из-под ног, как так, ведь мы друг друга так любили, я мечтала о семье, мы вместе строили планы на бу-

дущее. И все рухнуло в один миг. Почему? Он испугался трудностей? Получается так.

После долгих разговоров, слёз, упрёков и тишины - мама ставит точку: аборт. Не спрашивает. Ставит перед фактом.

Я пыталась сопротивляться. Но мне - шестнадцать. У меня нет денег, нет своего угла, нет поддержки. Парень который казался мне опорой и то сбежал. Моя семья - против.

Мама записывает меня на процедуру. Везёт в клинику. Я сижу в коридоре, смотрю на плакаты про здоровье, на женщин с животами, на медсестру с усталым лицом. Я не плачу. Я просто жду.

Процедура. Больно. Тихо. Потом - дом. Бабушка мне приносит чай с малиной, укрывает пледом. Бабушка говорит: «Всё пройдёт». Мама молчит. Папа уехал.

Я лежала и смотрела в потолок. Я не чувствовала ни горя, ни облегчения. Только пустоту. И тихую злость - не на маму, не на бабушку, не на парня. На себя. За то, что позволила решать за себя.

Глава 6.

Прошло время, жизнь расставила всё на свои места и я продолжила свою учебу в университете. Я перевелась на второй курс, ездила на пары, сдавала сессию, гуляла с подругами, пока не..... пока не появился в моей жизни он....

Осенний свет, жидкий и серый, сочился сквозь высокие, наполовину зашторенные окна. Шла лекция по начертательной геометрии.

Я сидела на третьем ряду, у окна. Мне было семнадцать. Я была самой младшей в группе. Моя тетрадь была открыта на чистой странице. Ручка лежала рядом, не тронутая. Я смотрела не на доску, а на свои руки. На тонкие пальцы, которые ещё вчера вечером склонились над учебником, а сегодня утром - на автомате - заваривали чай, чистили зубы, застёгивали пуговицы на форменной белой блузке.

А ещё я смотрела на дверь.

Он должен был прийти. Сегодня. На эту пару. Он учился на четвёртом курсе, но ходил на наши лекции - готовил какой-то проект. Его звали Андрей. Ему был двадцать один год. Он появился в моей жизни три недели назад, и с тех пор всё, что было раньше - институт, оценки, как старая фотография.

Дверь скрипнула. Я вздрогнула. Но это была всего лишь

девушка с первого ряда, опоздавшая на десять минут.

Я выдохнула. Посмотрела на доску. Профессор, сухопарый мужчина в твидовом пиджаке, размеренно что-то писал на доске. Его голос был монотонным, как шум дождя по жестяной крыше.

Я не слышала его. В голове звучал другой голос. Андрей вчера, у выхода из корпуса, держал меня за руку - и рука горела до сих пор. Он сказал: «Поедем со мной. К морю. Всё равно всё это - не твоё». И я не ответила. Не успела. Он ушёл. А я всю ночь лежала с открытыми глазами.

-

Алеся Николаевна, - голос профессора прозвучал отчётливо и сухо. - Вы, как наш юный талант, может быть, объясните группе, как из этого уравнения следует принцип неопределённости?

Все головы повернулись к ней. Двадцать пар глаз.

Я медленно встала. Я знала ответ. Могла бы отбарабанивать его по памяти. «Девочка-гений». «Поступила в шестнадцать».

Я открыла рот, чтобы произнести заученные слова. Но вместо этого глубоко вздохнула. Воздух в аудитории казался плотным, как вода. Я посмотрела на доску. Мельчайший, дрожащий мел. На окно. Там, за стеклом, ветер гнал по асфальту жёлтый, мокрый лист. Он был свободен. И в этот момент дверь в конце аудитории открылась.

Андрей.

Он вошёл тихо, но я почувствовала это всем телом. Он скользнул взглядом по рядам, нашёл меня - и улыбнулся. Одними губами. И кивнул в сторону выхода. Едва заметно. Вопрос. Я замерла. Профессор что-то говорил, но слова растворялись. Весь мир сжался до этой улыбки. До этого кивка. До человека, который стоял у двери и ждал. Не ответа по химии. Мой.

-

Алеся Николаевна, мы вас слушаем, - повторил профессор с раздражением.

Я перевела взгляд на него. На старого, уставшего человека, который всю жизнь посвятил науке, но так и не научился видеть людей, а не только формулы.

-

Извините, - сказала я.

Мой голос прозвучал тихо, но в мёртвой тишине аудитории упал, как камень в воду.

Я взяла свою сумку. Тетрадь с чистой страницей. Ручку, которая так и не написала ни строчки. И пошла - не к двери, а к нему. К Андрею.

-

Алеся Николаевна! - окликнул меня профессор. - Что это значит? Мы не закончили разбор темы!

Я остановилась на полпути. Обернулась.

-

Это значит, - сказала я спокойно, - что я больше не хочу

быть частью вашего уравнения.

Потом повернулась к Андрею. Он молчал, но глаза его светились. Он взял меня за руку - и снова рука вспыхнула. И мы вышли вместе.

Дверь за нами закрылась с мягким, но окончательным щелчком. Коридор был пуст. Пахло хлоркой. Андрей не отпускал мою руку.

-

Ты уверена? - спросил он.

Я посмотрела на него. На этого человека, из-за которого я только что перечеркнула всё. И, странно, впервые за долгое время я не чувствовала страха. Только тепло его ладони.

-

Нет, - честно сказала я. - Совсем не уверена. Но с тобой - не страшно.

Он улыбнулся. И мы пошли к выходу. В холодный, мокрый ветер. Тот самый, что гнал по асфальту жёлтый лист.

-

Мне нужно все рассказать маме, - сказала я Андрею, - я должна ей все объяснить, я надеюсь она меня поймёт.

Андрей просто спокойно покачал головой и улыбнулся.

Всю ночь я не могла уснуть. Я думала как же маме все рассказать, как ей преподнести новость о том, что я больше не учусь в университете и что уезжаю с Андреем на море.

Наступило утро. Я проснулась. Бабушка уже приготовила мне завтрак.

-

Бабуль, спасибо, я позавтракаю у мамы, - ответила я бабушке.

Я решаю сходить к родителям в гости. Это был выходной день, поэтому мама была дома.

-

Алесь, иди завтракать, - позвала меня мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.